

Шаманство как таковое среди коми не сохранилось, но колдуны, многочисленные и активные до недавнего времени, а в форме знахарства и экстрасенсорной практики активно действующие и сегодня, во многом выполняют функции, аналогичные шаманским.

Коми край славился среди соседних этносов как край могущественных колдунов. С другой стороны, коми сами относились к сходному потенциалу соседних народов иногда критически, а иногда и с известной опаской и уважением. Крайне любопытно в этой связи упоминание о том, что «в верхневычегодских селениях во время Первой мировой войны сильными колдунами считались военнопленные немцы» (с. 67).

Переходя к характеристике словарных статей, следует отметить прежде всего их хорошую филологическую и этимологическую обоснованность. Практически повсеместно дается диалектная вариативность или синонимичность, а где необходимо – иноязычные истоки и параллели: общепермские, русские, индоевропейские и др. Часто приводится и фразеология с употреблением словарного термина.

В словарь вошел широкий круг понятий и собственных имен. Здесь не только имена духов, божеств, святых, исторических и легендарных персонажей (епископов, богатырей, царей, княжен, знаменитых колдунов) и других значимых в фольклоре личностей, но и названия праздников, обрядов, обычаев, а кроме того, есть статьи, посвященные важным составляющим культуры и окружающей среды (флоры, фауны и др.) – например, такие, как «Цвет», «Ветер», «Вода», «Огонь», «Животные и птицы» (волк, ворон, горностай, заяц и др.), «Растения» (ель, горох, сосна, рябина), абстрактно-философские понятия (красота, смерть, вина), предметы материальной культуры (дом, баня, одежда, сталь, железо, пиво, хлеб) и многое другое. В словаре они даны в литературной форме на коми языке, однако в указатель введены и русские соответствия, так что отыскать необходимую информацию, если она есть, достаточно легко.

Сами статьи написаны на высоком научном уровне и в то же время чистым, ясным языком, вполне понятным самому широкому кругу читателей. В необходимых случаях статьи иллюстрируются фотографиями, прорисовками археологических предметов, иногда даже схемами. Особенно высокой оценки заслуживает схема О.И. Уляшева «Цвет и мифологическое пространство». Хотелось бы, чтобы в последующих томах серии подобных схем было больше.

В очерковой части книги есть краткий раздел об отражении мифологических представлений в современной литературе и искусстве коми. Большое число относящихся сюда изобразительных произведений, рисунков, скульптур, картин, гравюр, вышивок и других художественных предметов вошло в книгу в качестве иллюстраций и служит не только ее замечательным украшением, но и наглядным изображением отражения мифологических образов в народном и индивидуальном сознании.

Следует добавить, что рецензируемая книга великолепно оформлена: цветные и черно-белые фотографии, прорисовки археологических предметов, картины художников, схемы, карты – все это превращает данное издание из пособия по древней мифологии в книгу сугубо современную, где можно воочию увидеть, что мифология жива и в наши дни и что она является частью и повседневной, и праздничной жизни народа.

К советам мифологических героев неплохо бы прислушаться и сегодня. Умиравший Кудым-Ош, герой многочисленных преданий и легенд коми, дает такое наставление своему народу: «Я посплю, сколько мне понадобится, и снова проснусь. А проснусь так еще лучше вам устрою жизнь. Но и вы не живите влустую, ищите дорогу к своему счастью и не воюйте с добрым народом, дружите с ним». Сказал так Кудым-Ош и уснул крепким сном. И долго-долго чуди ждали, когда он проснется и даст людям лучшую жизнь». Не ждать, когда кто-то проснется, а творить свое счастье самим – пожалуй, отличный совет на все времена, даже если его дает мифический герой.

С.А.Арутюнов

© 2000 г., ЭО, № 6

Ю. В. А р г у д я е в а. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX – начало XX в.). М., 1997. 361 с.

Рецензируемая монография Ю.В. Аргудяевой посвящена историко-этнографическому описанию жизни русских, украинских и белорусских крестьян, переселившихся во второй половине XIX в. на юг Дальнего Востока.

Объект изучения Ю.В. Аргудяевой – семья, по преимуществу переселенческая. Необходимость

адаптации к новым условиям хозяйствования, преодоление трудностей обустройства на новом месте, сложение у переселенцев общества со своими традициями и устоями – вот те сюжеты, которые находятся в центре внимания автора. Как справедливо отмечает Ю.В. Аргудяева, «дореволюционные» и советские исследователи за редким исключением обозначали дальневосточных переселенцев единым термином – «русские». Между тем с 80-х годов XIX в. территория Приамурья и Приморья «начинает, помимо русских, заселяться другими восточнославянскими народами – украинцами и белорусами, принесшими в дальневосточный регион свои традиции, быт, культуру» (с. 7). Такой подход автора к исследованию особенностей традиций быта и культуры переселенцев, внимание к особенностям развития их семьи не только делают книгу информативно насыщенной, но и позволяют автору целенаправленно и планомерно изложить свои взгляды на сущность традиционной культуры и проблему ее адаптации к местным условиям. Комплексный подход к изучению семьи Ю.В. Аргудяева считает характерным для новой, формирующейся науки фамилистики, неотъемлемой частью которой выступают этнографические исследования хозяйства, семейно-брачных отношений, обрядов жизненного цикла, определяющих жизнь семьи.

В основу рецензируемой работы положены полевые материалы автора, а также данные из центральных и местных архивов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Монография Ю.В. Аргудяевой – одна из первых в отечественной этнографии, посвященных восточнославянскому населению Дальнего Востока, где систематически излагаются материалы по истории семьи и семейного быта. Монография Ю.В. Аргудяевой состоит из четырех глав.

В первой главе «Заселение юга Дальнего Востока России и формирование восточнославянского населения» рассматриваются вопросы, связанные с историей переселенческого движения на юге Дальнего Востока и формированием местного восточнославянского населения. После присоединения Дальнего Востока по договорам 1858 и 1860 гг. начинается формирование сельского населения региона за счет русских, принадлежащих к казачьему и крестьянскому сословию (с. 16).

Открытие в 1879 г. морского пути для переселенцев на Дальний Восток способствовало увеличению числа желающих поселиться в этих местах. Еще более возросли переселенческие потоки на юг Дальнего Востока с открытием железнодорожного сообщения с европейской частью России на рубеже XIX–XX вв. Таким образом, в течение XIX в. на Дальнем Востоке сложилась группа населения, которую Ю.В. Аргудяева называет «старожилами-стодесятниками»: в 1861–1900 гг. действовали правила, согласно которым на семью выделялось 100 десятин земли в бесплатное пользование на 20 лет (с. 21). На юг Дальнего Востока в XIX в. переселялись русские крестьяне из Черноземного Центра, Среднего Поволжья, Северного Приуралья, Сибири, а также украинцы и белорусы. Украинцы стали переселяться сюда с 80-х годов XIX в. Возможность приехать на место морем из Одессы способствовала росту переселений из украинских губерний. В 1890-е годы 75% приезжавших на Дальний Восток составляли крестьяне украинских губерний, 10% – белорусские крестьяне.

В результате миграций начала XX в. сформировалась группа крестьян-новоселов (с. 30). В этот период переселенцы в основном прибывали с Украины и из центральных русских земледельческих губерний. Характеризуя состав поселенцев Юга Дальнего Востока, Ю.В. Аргудяева указывает также на расселение в этом регионе старообрядцев и молокан. Как отмечает автор, совместное расселение, часто в одной деревне, представителей разных народов, историко-этнографических и региональных групп приводило к слиянию русских, украинцев и белорусов, в результате которого формировался некий дальневосточный субстрат культуры (с. 47).

Сделав такой вывод, автор приступает к характеристике местной восточнославянской культуры. Этому посвящена вторая глава «Хозяйственная деятельность крестьянского восточнославянского населения». Давая характеристику основных занятий дальневосточных крестьян, Ю.В. Аргудяева, с одной стороны, указывает на законодательную базу, определявшую нормы хозяйствования, а с другой – на действовавшие в регионе нормы обычного права. Рассматриваются автором и вопросы о трудностях обустройства новоселов на Дальнем Востоке, их ограниченных по сравнению со старожилами правах на пользование землей. Это приводило к вражде и столкновениям между старожилами и новоселами.

Основными занятиями дальневосточных крестьян были земледелие и скотоводство, важное место в хозяйстве занимало также рыболовство. В монографии рассматривается деление работ на мужские, женские и детские. Посвятив этому сюжету целый параграф, Ю.В. Аргудяева описывает ряд самых обычных работ – уборка дома, приготовление пищи, стирка белья. Несмотря на их повседневность, описания того, как они производились, нечасто встречаются в этнографической литературе. К особенно удавшимся и интересным местам книги можно отнести описание стирки белья (с. 83–84). В самую гущу жизни прежней

дальневосточной деревни вводит, например, такое описание: «Белье били... на речке в любое время года. Зимой, чтобы не замерзнуть, разводили на речке костры. А некоторые женщины брали с собой на речку чугуны с горячей водой и грели в них ноги, опуская их в чугуны прямо в лаптях».

Завершает вторую главу анализ особенностей хозяйственного уклада региональных и этнографических групп. Наиболее интересны в этом разделе заметки об особенностях этнопсихологического склада («типах») дальневосточных крестьян (с. 85–90). Проанализировав приведенные материалы, Ю.В. Аргудяева делает вывод, что «разный этнический характер русских, украинцев, белорусов, их неодинаковые традиции оказали значительное влияние... на их приспособляемость к новой жизни на Дальнем Востоке» (с. 90).

Третья глава – «Семья и брак» – включает разделы о социально-демографической структуре крестьянской семьи, условиях заключения брака и нормах внутрисемейных отношений. Исследуя структуру дальневосточного общества, Ю.В. Аргудяева делает интересные заключения о процессе сложения семей в этом регионе, где на протяжении долгих лет существовала диспропорция в половом составе населения – численность мужчин во всех возрастных группах преобладала. Наибольшей диспропорция была в группах фертильного возраста. Видимо, и этот факт сыграл свою роль в утверждении на Дальнем Востоке браков между выходцами из разных мест. Даже там, где население было в основном украинским, браки заключались между выходцами из разных регионов Украины, различающихся по своей культуре. Все это привело к выработке единых для Приморья культурных черт и в ряде случаев – к утрате этнического самосознания (с. 132–134). В то же время браки в основном были социально однородными (с. 148). Ю.В. Аргудяева убедительно показывает, что при заключении браков большее значение имели социальные, а не этнические характеристики жениха и невесты.

В четвертой главе – «Семейная обрядность» – проведены исследование и сопоставление конкретных этнокультурных ситуаций с целью выявления локального и общего, характерного для обрядности восточных славян в целом. Глава написана по материалам полевых исследований 1960–1990-х годов. По мнению автора, в целом традиционная семейная обрядность (особенно свадебная) в регионе сохранилась; более интенсивными были изменения в сфере родильно-крестильных и похоронно-поминальных обрядов (с. 160).

В отличие от сферы этнического самосознания и хозяйства, где произошли региональная нивелировка, усреднение культурных реалий, в обрядности, по мнению Ю.В. Аргудяевой, не сложилось единого дальневосточного варианта с превалированием традиций какого-то одного восточнославянского этноса. На Дальнем Востоке сформировались зоны с преобладанием различных (севернорусской, южнорусской, украинско-белорусской) традиций (с. 233).

Заканчивая обзор книги Ю.В. Аргудяевой, позволим себе некоторые замечания. Несомненное достоинство работы – систематичность изложения материалов. Каждая глава построена по единой схеме: описание тех или иных культурных реалий или изложение исторических фактов, выделение общего и особенного, анализ материала. Четкая структурированность работы позволяет лучше понять приведенные факты и усвоить ход рассуждений автора. Несомненно, что сделанные Ю.В. Аргудяевой выводы особенно интересны при сопоставлении их с ранее опубликованными данными по другим сибирским регионам.

Общесибирской представляется тенденция унификации традиционной культуры, сложения единого уровня этнического самосознания, когда русскими в Сибири осознавали себя не только переселенцы из разных районов России, но и представители всех восточнославянских народов. В то же время представленные в монографии Ю.В. Аргудяевой материалы свидетельствуют о сохранении у жителей Дальнего Востока памяти об их исторической родине, что позволяет считать этническое самосознание дальневосточников многоуровневым, сочетающим в себе осознание сформированной уже на Дальнем Востоке общности и отчетливую идентификацию с определенной региональной или этноконфессиональной группой.

Монография Ю.В. Аргудяевой «Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России» – ценный вклад в изучение восточнославянских народов Сибири. Она позволяет выйти на уровень обобщения всех сибирских материалов, конкретизировать представления историков и этнографов о механизмах сложения сибирского общества на местах переселения, проследить значение семьи в этом процессе.

Исследования традиционной культуры какого-либо народа или, как в данном случае, группы родственных народов часто представляют собой соединенные по формальному признаку отдельные очерки. Монография Ю.В. Аргудяевой, посвященная изучению семьи, выделяется на этом фоне цельностью замысла автора, общей идеей, объединяющей исследования разных сторон жизни дальневосточного крестьянства.

К сожалению, для исследователей традиционной культуры, особенно живущих в провинции, монография

Ю.В. Аргудяевой труднодоступна. Книга была опубликована в Москве в 1997 г., но, например, в Омске ее экземпляр появился значительно позже только благодаря дару автора. Следует заметить, что система распространения изданий, да и сами тиражи книг, опубликованных в Институте этнологии и антропологии РАН, не позволяют иметь эти издания в достаточном количестве даже в местных научных библиотеках. Купить эти издания вне Москвы практически невозможно. Мы считаем, что следовало бы ввести практику публикации в журнале «Этнографическое обозрение» подробных аннотаций на выходящие книги, чтобы хотя бы в общих чертах знакомить исследователей с их содержанием. Надеемся, что данная рецензия привлечет внимание к монографии Ю.В. Аргудяевой специалистов-этнографов, преподавателей и студентов, всех интересующихся традиционной культурой.

М.Л. Бережнова

© 2000 г., ЭО, № 6

В.В. Есипов. Провинциальные споры в конце XX века. Вологда, 1999. 238 с.

И.Г. Прыжов (1827–1885) – видный публицист, этнограф и историк 60-х годов XIX в., один из последователей революционных демократов – уже давно и прочно вошел в историю русской этнографии. Его основные труды, посвященные быту русского народа, пользовались известностью и были высоко оценены специалистами. Недавно некоторые из его работ были переизданы¹.

Трудной и несправедливо злой была его судьба. Обвиненный по «Нечаевскому делу», он был сослан в Сибирь на Петровский Завод (где до него отбывали каторгу декабристы!). Там, в изгнании, он провел остаток своих дней, занимаясь историей Сибири, краеведением, изучением нравов сибирского общества. Его рукописный фонд, долгое время считавшийся утерянным², был заново открыт только после Великой Отечественной войны и стал основой для многих трудов советских историков (М.С. Альтман, В.Г. Базанов, А.Н. Цамутали и др.)³.

Недавно вышедшая книга В.В. Есипова «Провинциальные споры в конце XX века» в основном посвящена спорным вопросам биографии И.Г. Прыжова. «Житие великого грешника» – так назвал автор те несколько глав из книги об И.Г. Прыжове, над которой он уже много лет работает. И хотя жизнь и творчество этого шестидесятника неоднократно изучались и интерпретировались⁴, новая работа В.В. Есипова раскрывает некоторые, еще не изученные грани и аспекты этой темы. Среди них – пересмотр биографии и оценки деятельности Прыжова в изучении быта русского народа. Автор давно и плодотворно работал в избранной им области, в частности готовил к переизданию книгу Прыжова «История кабаков в связи с историей русского народа», но по независящим от него причинам (годы «перестройки») издание не было осуществлено. Остается неизданным большое и капитальное исследование В.В. Есипова биографии Прыжова. Опубликованные же главы излагают историю деятельности публициста в кружке Нечаева и, главным образом, суда над Прыжовым, причем в постоянном сопоставлении с оценками Ф.М. Достоевского, который, как известно, коснулся этой истории в романе «Бесы».

В чем достоинство новой работы В.В. Есипова? Прежде всего в том, что автор – публицист по призванию и опыту работы – раскрывает в своей книге злободневность многих высказываний Прыжова, подчеркивая непреходящее значение некоторых его работ и в наши дни. Тем самым автор заставляет нас по-иному взглянуть и оценить трагическую судьбу этого талантливого шестидесятника. Полтора века прошло с тех пор, как выходили труды И.Г. Прыжова, но до сих пор его личность нам интересна, а его работы звучат свежо и актуально!

Интерес к Прыжову и его книгам, к сожалению, и в наши дни ограничивается лишь опубликованными его работами. Оставшиеся в рукописи труды этнографа и историка использованы далеко не полностью. Больше всего сделано в раскрытии вклада Прыжова в декабристоведение⁵. Но до сих пор остаются втуне многие статьи ссыльного публициста, посвященные быту русского народа как в далеком прошлом (работа «Ведьма» – о средневековых предрассудках и народных верованиях, связанных с ведьмами, «Собака в истории человечества» – о роли собаки в истории культуры на Востоке, в греко-римском мире, у германцев и славян), так и в XIX в. Это созданные им на основе личных этнографических наблюдений «Записки о